

Отзыв официального оппонента доктора исторических наук Лоры Александровны Герд о диссертации Ирины Юрьевны Смирновой «Конфессиональный фактор российской политики в ближневосточном и северо-тихоокеанском регионах в середине XIX века (1840-е-1860-е годы)», представленной к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история» в диссертационный совет Д 002.018.01, созданный на базе ФГБУН «Институт Российской истории РАН».

Церковная составляющая российской внешней политики в XIX-начале XX вв., сознательно забытая в историографии советского времени, за последние 25 лет постепенно занимает свое заслуженное место в отечественных исторических исследованиях. Особенно много сделано в этом отношении исследователями политики России на Балканах и Ближнем Востоке—в Греции, славянских землях, Константинопольском, Антиохийском и Александрийском патриархатах. Предметами отдельных монографий стала политика России в Болгарии и Сербии, в Константинопольском патриархате, ряд статей посвящен ранее совершенно не исследовавшейся теме русско-александрийских отношений. Специальное внимание уделяется систематическому выявлению и публикации документов по русскому присутствию в Палестине и отношениям с Иерусалимским патриархатом. По этой теме уже создана целая библиотека. Наряду с отечественными исследователями, над изучением русской политики на Ближнем Востоке и Балканах успешно трудятся болгарские, сербские, греческие и американские историки. И. Ю. Смирнова также внесла свою немалую лепту в эти исследования: ее монографии посвящены восточному вопросу у митрополита Филарета (Дроздова), и англиканскому присутствию в Палестине, ряд статей—отдельным проблемам отношений России с Антиохийским и Иерусалимским патриархатами. Настоящая диссертация является итогом многолетней работы над документами и материалами по русской политике и истории русского присутствия в пределах исторического распространения Восточного христианства. Несколько неожиданной является вторая часть диссертации, посвященная конфессиональной политике на Дальнем Востоке и в Америке. Подобная смелая попытка объединения опыта конфессиональной дипломатии в столь непохожих регионах предпринимается впервые.

Актуальность избранной темы не вызывает сомнений. Во-первых, церковная составляющая внешней политики России, богато документированная материалами отечественных и зарубежных хранилищ, все еще изучена недостаточно, и белых пятен там гораздо больше, чем основательно разработанных сюжетов. Во-вторых, в настоящее время можно наблюдать обращение к историческому опыту внешней политики—как к идеологическим моделям прошлого, так и к конкретным формам и методам. Правильная оценка истории дипломатии, в том числе дипломатии церковной, возможна только после глубокого профессионального ее исследования.

Россия имела многовековые контакты с восточно-христианским миром. Начиная с крещения Руси в конце X в. и вовлечения Киевского государства в культурно-политическую орбиту Византии, в сознании образованных русских людей формируется модель православного мира, аналогичная римско-византийскому представлению об ойкумене. Если в Киевский период эта модель для Руси не имела принципиального, и тем

более практического значения, то в период консолидации русских земель и постепенного усиления Московского государства к византийскому опыту снова обращаются. К XVI столетию относится знаменитая идея Третьего Рима, позднее ставшая объектом и источником разнообразных идеологических и политических переосмыслений и спекуляций. До конца XVII в., как неоднократно подчеркивалось исследователями, идея *translatio imperii* для Московского государства имела чисто теоретическое значение, никоим образом не являясь идеологией наступательной политики. Щедрое пожертвование московских государей в пользу монастырей и церквей Востока, привлечение святынь с Востока на Русь—все это было направлено на возвышение авторитета Московского царства, но никак не на потенциальную экспансию на Балканы и Ближний Восток. Казалось бы, ситуация должна была измениться в петровское царствование; но русско-турецкие войны этого времени не могли послужить основанием для развития каких-либо далеко идущих планов. XVIII столетие в истории России знаменуется несколькими русско-турецкими войнами, из которых две наиболее успешных, имевших место в правление Екатерины II, способствовали дальнейшему развитию проектов относительно Балкан и Ближнего Востока. Екатерина была далека от идей восстановления Византийской империи и воссоздания теократического государства; однако именно при ее дворе в 1770-е годы рождается так называемый греческий проект, согласно которому освобожденные от османов Балканы предполагалось разделить на сферы влияния между Россией и Австрией.

XIX век явился принципиально новым этапом в истории Балкан и Ближнего Востока. В это время складывается так называемый «европейский концерт»--союз крупнейших европейских держав (Англии, Франции, России, а также Пруссии, Австрии и Италии), которые взяли на себя инициативу раздела всего остального мира на сферы влияния. Конкуренция великих держав на Ближнем Востоке за раздел османского наследства получила название восточного вопроса. Франция и Великобритания широко использовали конфессиональный инструмент политики: сеть католических учреждений под протекторатом Франции с XVII в. работает на Ближнем Востоке; с первой половины XIX столетия Англия также вступает в соревнование за влияние в среде православного населения Ближнего Востока и создает свое епископство в Иерусалиме. Ответом России на эти действия стало основание учреждения по поддержке православия в Палестине и Сирии. С этой целью в 1845 г. в Сирию и Иерусалим был командирован архимандрит Порфирий Успенский, а в 1847 г. было положено начало первой Русской духовной миссии в Иерусалиме.

«Ближневосточная» половина диссертации фокусируется по преимуществу на Иерусалиме и Палестине, как главных объектах деятельности католических и протестантских миссионеров с одной стороны, и противостояния им православной иерархии и русской духовной миссии—с другой. В диссертации несколько конспективно рассматривается история католического прозелитизма (с. 76-85), зато весьма подробно освещается деятельность протестантов в Палестине и Сирии (глава 3 «Великие державы в Сирии и Палестине (1840-е-1850-е годы), с. 129-205). Рассказу об учреждении англиканского епископства в Иерусалиме, автор предпосылает интересный очерк англикано-православных контактов 1840-х годов. Центральной фигурой здесь является английский диакон В. Пальмер, известный своими путешествиями в Россию и на Восток.

Если в России ему мягко указали на неприемлемость его предложений, то на Востоке он встретился с гораздо более резким отпором, пока, вконец разочарованный, не возвращается в Англию. И. Ю. Смирнова касается также деятельности главного идеолога проангликанской линии в Элладской церкви, активного сторонника «английской партии» архимандрита Феоклита Фармакидеса. Впрочем, тексты этого богослова, оказавшего большое влияние на весь греко-православный мир XIX в., почти не анализируются; автор предпочитает дать его портрет глазами заведомо пристрастного противника—А. С. Стурдзы, характеристикам которого в данном случае вряд ли можно доверять; мнение же московского профессора А. П. Лебедева о неправославии Фармакидеса вообще едва ли стоит воспринимать всерьез на фоне его крайне негативного отношения к восточной церкви Нового времени.

Далее И. Ю. Смирнова переходит к изложению истории миссий англиканских епископов в Иерусалиме Соломона Александера и Самуэля Гоббата; политические обстоятельства и мотивы их деятельности освещены подробно и разносторонне. Подводя итоги третьей главы, автор диссертации справедливо видит главную причину успехов англичан на этом этапе в развитой системе консульств и хорошей организации школьного дела.

Следующая, четвертая глава (с. 206-253) посвящена периоду после Крымской войны, когда Россия была представлена в Палестине уже не только духовной миссией, но и консульством. Крымская война привела русских политиков к необходимости пересмотра политики на Востоке. Уже во второй половине 1850-х годов создается Русское общество пароходства и торговли, которое было призвано способствовать укреплению русских позиций в Восточно-Средиземноморском регионе. Впервые была оценена важность массового русского паломничества в Святую Землю. На регулярную организацию этого паломничества была направлена деятельность как РОПиТа, так и еще одной, новой структуры—Палестинского комитета. Сложные отношения между миссией и консульством, три этапа в истории миссии этого периода (настоятельство епископа Кирилла Наумова и архимандритов Леонида Кавелина и Антонина Капустина) нашли свое закономерное отражение на страницах исследования.

Пятая глава («Курс на межконфессиональное сближение (1850-1860-е годы), с. 254-302) переносит читателя в несколько иную область, а именно здесь рассматриваются экуменические усилия англикан наладить диалог с православной церковью—как Русской, так и Восточной. Попытки установить контакт с церквами Востока предпринимались протестантами неоднократно, начиная с XVI-XVII вв. Однако как в предшествующие эпохи, так и в XIX в. они были обречены на неудачу даже в тех случаях, когда политические обстоятельства, казалось бы, способствовали установлению контактов. И. Ю. Смирнова рассматривает в данной главе только один небольшой период этих контактов, а именно 1850-60-е годы. Здесь автор рассматривает сюжеты, вплотную примыкающие к повествованию главы 3. Действующие фигуры в данном случае—Дж. Ф. Юнг и Джордж Вильямс—получают неоднозначную оценку. Хотя политический подтекст их предприятий очевиден, но взгляды русских современников были различными, что нашло отражение в тексте главы. К сожалению, в структуре диссертации экуменическая деятельность протестантов оказалась, в силу хронологических причин, разделена, что

несколько затрудняет восприятие. Например, пастор Дж. Хилль действовал в Афинах на протяжении нескольких десятилетий, равно как и Феоклит Фармакидис, скончался только в апреле 1860 г. Другой идеолог контактов с англиканами 1860-х годов, Александр Ликурт, стался вне поля зрения диссертанта.

В заключении своей диссертации (с. 455-466) И. Ю. Смирнова делает выводы о значении и характере русской конфессиональной политики на Ближнем Востоке. В целом автор не выходит за рамки традиционного взгляда на русскую политику в регионе как не преследующую какие-либо иные цели, кроме духовной поддержки православного населения—в первую очередь арабского и славянского (о последнем, кстати, на страницах диссертации почти ничего не говорится) и «выстраивания конструктивных отношений» с греческой иерархией. По мнению автора работы, у России не было, в отличие от Англии и Франции, никаких колониальных и торговых интересов в регионе. Таким образом, западные миссионеры выступают проводниками колониальной агрессии, в то время как русские представители ничем, кроме ограждения чистоты православия, не интересовались. Это мнение, хотя и разделяемое большинством отечественных историков, представляется нам весьма односторонним.

Было бы наивно заблуждаться относительно намерений К. В. Нессельроде, которому принадлежала идея создания миссии в Иерусалиме, и приписывать ему, человеку атеистических убеждений и прагматических взглядов, какой бы то ни было альтруизм в деле поддержания православия на Востоке. Не вызывает сомнений, что для российского МИД второй четверти XIX в. общность православной веры с христианами Османской империи была лишь платформой для политического воздействия, путем, которым, в силу исторических обстоятельств, западноевропейские соперники не могли пользоваться. Обращает на себя внимание миссионерское предназначение первых русских учреждений на православном Востоке—и миссии в Афинах, и миссии в Иерусалиме. О какой, казалось бы, миссии можно было говорить в среде коренного православного населения? В инструкции, данной архимандриту Порфирию, было написано, что он должен благотворно влиять на направление Иерусалимского патриарха; в инструкции первому настоятелю русской миссии в Афинах прямо говорилось, что его задача—миссионерская и просветительская. Дело в том, что восточные христиане, в силу колоссальной разницы в культурно-обрядовом отношении и зависимо от России материального положения, не воспринимались русскими как равноправные собратья по вере. Они могли становиться объектами для воздействия, просвещения, им можно было помогать—материально, морально, политически, «поднимать их в собственных глазах», как выражались дипломаты. По сути, подобный подход мало чем отличался от отношения тех же протестантских или католических миссионеров, которые искренне считали своих восточных собратьев по вере малоразвитыми, примитивными и заблуждающимися христианами, которых нужно всячески просвещать и поддерживать—причем в самых высоких и благих христианских целях.

Чувство морального превосходства над восточными христианами, основанное на политическом, экономическом и культурном сознании себя как представителей великой державы, пронизывает деятельность всех русских политиков и дипломатов XIX в.—как церковных, так и светских. Огромные потоки пожертвований из России составляли основу

материального благосостояния Иерусалимского патриархата; одной из задач русской миссии (кстати, невыполнимой) было контролировать расходование этих пожертвований. С 1840-х годов Александрийский патриархат практически полностью содержится на деньги из России; с конца XIX в. Россия осуществляет полный контроль над Антиохийским патриархатом. Объектом противостояния между Россией и Англией становятся патриархат Константинопольский и Элладская церковь; борьба идет и за православные церкви Болгарии и Сербии, казалось бы, заведомо преданные России.

Несмотря на основание после Крымской войны РОПиТа—организации явно не религиозного характера—к 1880-м годам русское влияние на Ближнем Востоке по-прежнему остается в виде присутствия и материальной помощи православию. Ситуация беспомощности русских учреждений на Ближнем Востоке, неспособности обратить их деятельность на пользу России, о чем сетовали все русские представители, начиная с Порфирия Успенского,—парадоксальным образом сохраняется и в последующие десятилетия. Еще при основании Палестинского общества, в начале 1880-х гг., В. Н. Хитрово писал, что у России нет возможности конкурировать с Великобританией ни в экономическом отношении, ни силами военного флота; поддержка православия на Ближнем Востоке остается единственным сильным орудием в руках России против западноевропейских соперников.

Насколько России удалось воспользоваться этим средством в осуществлении своих геополитических планов? Грандиозные затраты денежных средств на поддержание восточных патриархов и других иерархов, организация во второй половине XIX в. целой сети школ, подворий и других учреждений были направлены на укрепление морального авторитета России, ее присутствия на Востоке в этих учреждениях, или в помощь русскому паломничеству—то есть это было вложение средств без расчета на какую-либо отдачу, кроме морально-религиозной. При этом ни в середине, ни во второй половине XIX столетия мы не видим почти никакого проникновения русского капитала в Османскую империю, особенно если сравнить это с широкомасштабными британскими или германскими проектами рубежа XIX и XX вв. Характерно, что чем дальше заходил этот процесс, тем больше политические мечтания отрывались от реальности. В царствование Александра III наблюдается возрождение на новом уровне идеи Третьего Рима; в 1910-е годы русские дипломаты работают над созданием южнославянской конфедерации, а в годы Первой мировой войны возникают фантастические утопии по поводу возрождения идеального христианского царства—не то новой России, не то Византии-- на развалинах Османской империи. И только накануне и в годы Первой мировой войны впервые открытым текстом звучит мысль о том, что у России-таки есть на Ближнем Востоке интересы --как колониальные, так и экономические. Не следует ли, вслед за авторами некоторых аналитических записок XIX в., расценивать отсутствие других интересов, кроме чисто духовных, не как особенное благородное достоинство русской политики, а как ее вынужденный недостаток?

Не являясь специалистом по Дальнему Востоку и Американскому континенту, я предоставляю дать профессиональную оценку соответствующим разделам диссертации моим более компетентным коллегам. Замечу только, что характер деятельности русских миссионеров в этих регионах должен был существенно отличаться от их работы на

Ближнем Востоке среди коренного православного населения. Было ли это так—судить не мне.

К сожалению, за пределами диссертации осталась деятельность русских духовных представителей и дипломатов в Константинопольском патриархате и на Балканах, которые исторически тоже входят в понятие Ближнего Востока или тяготеют к нему. Между тем именно в столице Османской империи, решались многие вопросы, связанные с Сирией и Палестиной. Восточные патриархи годами проживали в Константинополе, а указания консулам на местах шли через константинопольское посольство. Более того, в планы Н. П. Игнатьева в середине 1860-х годов входило соединить иерусалимскую и константинопольскую миссию в одну, во главе с архимандритом Антонином Капустиним. Греция—другой центр русского присутствия—появляется в работе в основном в связи деятельностью пастора Дж. Хилля и сторонников протестантизма; славянские земли Балканского полуострова тоже упоминаются вскользь, в общем контексте протестантского прозелитизма и без связи с местной церковной ситуацией. Обращает на себя внимание явная диспропорция между тем местом, которое в диссертации занимает протестантский прозелитизм, и малым вниманием, уделенным не менее влиятельному прозелитизму католическому.

Как и большинство отечественных исследований по русской церковной политике на Востоке, диссертация И. Ю. Смирновой отличается подчеркнутой «рускоцентричностью». Из иностранных источников привлечены документы британских архивов, что является несомненным большим достоинством работы. Источники же французские и итальянские, равно как и десятки монографий и статей о деятельности католиков на Востоке (Р. Обера, Дж. Хаджара, С. Сотена и др.), к сожалению, даже не упоминаются на страницах диссертации.

Указанные недостатки несколько не снижают несомненных достоинств диссертации. Это труд фундаментальный, основанный на скрупулезной многолетней работе над архивными документами и опубликованными источниками. Грандиозная первопроходческая работа, сделанная И. Ю. Смирновой, может вызывать только восхищение перед трудолюбием и любознательностью диссертанта. Можно смело сказать, что русская сторона исследования в источниковедческом отношении выполнена на высочайшем уровне. Автором выявлены и впервые введены в научный оборот сотни архивных документов практически из всех относящихся к теме отечественных хранилищ. В своих исследованиях, вошедших в состав представленной диссертации, И. Ю. Смирнова впервые в отечественной исторической науке исследует политическую сторону деятельности англикан на Востоке, причем представляет эту деятельность сквозь призму русского восприятия вопроса; чрезвычайно ценным в церковно-историческом отношении являются экскурсы, посвященные попыткам межконфессионального диалога на раннем его этапе, в 1840-60-е годы. Несомненной заслугой диссертанта является систематическая проработка таких важнейших для истории православного Востока архивных фондов, как А. Н. Муравьева и митрополита Филарета (Дроздова). От внимания автора не укрылись многочисленные, порой мелкие и незаметные, публикации в периодической печати, поражает широта используемых опубликованных русскоязычных источников и литературы. Выводы из исследования также вполне логичны и соответствуют заявленным

во введении целям и задачам работы, хотя и могут служить предметом для дальнейшего обсуждения и полемики. Диссертация И. Ю. Смирновой является настоящим событием в отечественной исторической науке. С одной стороны, она представляет собой важный итог работы многих лет, с другой—намечает интереснейшие перспективы для исследований в будущем.

Основные положения диссертации опубликованы в печатных трудах И. Ю. Смирновой, в том числе в работах, напечатанных в рецензируемых научных журналах и изданиях, внесенных в перечень изданий, утвержденных ВАК.

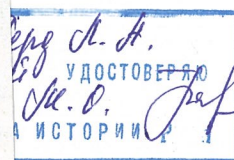
Автореферат диссертации И. Ю. Смирновой адекватно отражает содержание и структуру работы.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что диссертация И. Ю. Смирновой полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК к работам подобного рода, а ее автор—заслуженного присуждения ей искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 «Отечественная история».

Лора Александровна Герд

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7. Тел. (812)235-15-80

e-mail: Loragerd@gmail.com

От. Д. Д. Д. Д.